

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Габриэль Кун
Анархистские перспективы
2009, перевод 20 июля 2011

Скопировано 2019-01-27 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=497>
Перевод с немецкого. «*Anarchistische Visionen*», «*Vielfalt, Bewegung, Widerstand. Texte zum Anarchismus*» by Gabriel Kuhn, Unrast Verlag, 2009

ru.theanarchistlibrary.org

Анархистские перспективы

Габриэль Кун

2009, перевод 20 июля 2011

Видение зачастую так называемого «классического анархизма» можно было относительно легко определить. Несмотря на различные направления — от мутуализма Прудона до анархо-коммунизма Кропоткина — существовало совместное стремление к обществу без государства и классов, обществу, отмеченному равенством и справедливостью. По крайней мере, так можно было сказать о большей части анархистского движения, часто обобщаемого под названием «социального анархизма». Видения индивидуалистских анархисток и анархистов были ясны куда реже. К примеру, «союз эгоистов» Штирнера мог означать многое — или, с определённой точки зрения, вообще ничего.

Примерно в 1920-м году классический анархизм впал в тяжёлый кризис. Государственные репрессии, национализм Первой мировой войны и большевистская революция разрушили структуру, энергию и надежды движения. Короткая эйфория, зародившаяся с началом Испанской революции вскоре сменилась горьким разочарованием поражения. В последующие десятилетия анархизм прак-

тически не обладал значением. Оживление анархизма произошло в связи с социальными движениями 1960-х годов. Разочарование как в капиталистически-парламентской модели общества, так и в советском государственном социализме (который, казалось, скорее цементировал авторитет и государственную власть, чем создавал условия для бесклассового общества), исходящее из антиколониальной борьбы «Третьего мира» вдохновение, а также фрустрация от «одномерного», фиксированного лишь на упрямом экономическом прогрессе человека создали во многих странах политические и культурные протестные движения с выраженными анархистскими чертами.

Анархизм, который вновь возник, был, конечно, не тот, что раньше. Много изменилось с 1920-го (и с 1936-го). Идеологическая борьба потеряла значение для многих анархистов нового поколения. Это часто вело к убеждению, что новый анархизм «менее политичен». Однако, определить, что является политическим, а что нет, трудно. Очевидно же то, что многие анархистки и анархисты 1960-х годов концентрировались в своём активизме на культурных и повседневных аспектах общественной жизни. Многие из тех, кто практиковал анархистскую политику — если мы подразумеваем под этим политику, направленную против институционализованных авторитетов, даже не называли себя анархистами или анархистками, не в последнюю очередь по причине анти-идеологических убеждений. Они были «ситуационистами», «йиппи» или «прово». Классический социальный анархизм часто рассматривался как старомодная и скучная модель политики, концентрирующаяся на общественных и экономических учреждениях, и недооценивающая значение наполненной и бунтарской повседневной жизни. Недоставало того, что Ги Дебор называл «обеществом спектакля». Часто конкретные идеи для грядущих организационных форм общества рассматрива-

лись как помеха для свободного индивидуального и коллективного развития.

Поэтому и неудивительно, что многие анархистки и анархисты, которые всё ещё понимали себя как часть социально-анархистской традиции, едва ли были рады этим тенденциям. В 1970-м году известный анархо-синдикалист Сэм Долгофф опубликовал статью «*The Relevance of Anarchism for Modern Society*». Он описывал там «буржуазный нео-анархизм» и начал словами: «Если мы хотим исследовать значение анархистских идей для современного индустриального общества, то нужно во-первых подчеркнуть различие, существующее между сегодняшним `нео-анархизмом` и классическим анархизмом Прудона, Бакунина или Малатесты. За некоторыми исключениями мы изумимся тривиальности и поверхностности идей, за которые выступают современные анархисты». Долгофф высказал мнение многих социальных анархистов и анархисток. В их глазах новые анархистки и анархисты занимались лишь получением удовольствий — всё остальное уладится само собой. Для социальных анархисток и анархистов это значило, что новым анархисткам и анархистам не хватает видения.

Конфликт продолжился в 80-х и 90-х годах и достиг своей кульминации в дебатах вокруг «*Social Anarchism or Lifestyle Anarchism: An Unbridgeable Chasm*» (1995) Мюррея Букчина. Букчин был с 1970-х годов важнейшей фигурой североамериканского (а, возможно, и глобального) анархизма. По его мнению, анархизм находился «на перепутье своей долгой и драматичной истории». Главная проблема заключается, по словам Букчина, в том, что «тысячи самозванных анархистов постепенно отказались от социального ядра анархизма в пользу пронизывающего всё яппи- и нью-эдждж-культу личности, который лежит на этой декадентской, обуржуазившейся эре». То, что эти анархистки

и анархисты потеряли, по словам Букчина, было «революционным общественным видением, составляющим ядро социального анархизма». Букчин рассматривал идеи, как их представлял, к примеру, Хаким Бей в «T.A.Z.» (1991), как предательство традиционного идеала анархического общества.

Букчин писал, что он хотел спасти этот идеал при помощи «критического анализа анархизма образа жизни». Ему это не удалось. Книга ещё более углубила пропасть. Критика Букчина пережила свой пик в полемике Боба Блэка в «*Anarchy After Leftism*» (1997), книге, которая считается первым значительным манифестом «после-левой анархии» – течения в современном анархизме, которое утверждает, что всё, что касается «организации» (что бы это ни значило) является «левым» и, следовательно, должно быть отвергнуто, т. к. левые всегда были злейшими врагами анархисток и анархистов. Букчина эти дебаты разочаровали настолько, что он полностью удалился от анархизма в конце 90-х годов.

Хотя многие анархистки и анархисты сегодня сыты по горло дебатами «социальный анархизм против образа жизни», конфликт продолжается. Найти примеры не трудно. Майкл Альберт — чья «партиципационная экономика» (Partecop) была названа Дэвидом Грэбером и Андреем Грубачичем «анархистским экономическим видением par excellence» — пишет, к примеру, что самая серьёзная проблема современного анархизма заключается в «отсутствующих перспективах». С другой стороны, члены анархо-примитивистского издательского коллектива Green Anarchy, пишут: «Нас часто спрашивают о нашем видении общества, видении мира, ради которого мы хотим сражаться или жить — для анархисток и анархистов важно оставлять этот вопрос открытым». Споры между этими позициями заходят так далеко, что люди исключают друг

Было бы, конечно, опасно оперировать клише о страждущих спора мужчинах и стремящихся к гармонии женщинах. Тем не менее, существуют интересные исторические различия в обхождении с внутренними конфликтами движения. То, что это были большей частью мужчины, которые эти конфликты раздували и доминировали анархистские дебаты, мы знаем — что бы это ни значило. Речь же, в конечном итоге, о солидарных дебатах, которые нас объединяют, вместо того, чтобы разделять нас.

друга из анархистского движения. В интернет-дебатах между Майклом Альбертом и анархо-примитивистом Джоном Зерзаном, Зерзан называет партиципаторную экономику «насквозь левой моделью», в которой он «как анархист» не заинтересован. Альберт, напротив, предлагает, чтобы Зерзан называл свои теории «зерзанизмом», ибо к анархизму они отношения не имеют.

Другой пример — это споры вокруг коллектива CrimethInc, который для многих считается примером современного анархизма стиля жизни. В рецензии на книгу «Days of War, Nights of Love» (2001) Рамор Райен пишет: «На самом деле, идеи CrimethInc редко выходят за идеи тинейджеров из пригородов, которые бунтуют против авторитетов. Заиклившись на панке или субкультуре крафта, практическое применение их великих революционных идей очевидно ограничивается созданием группы, сексом в парке, переходом на веганство или — о, Господи, вот тут-то начинается настоящее дело! — раздачей фальшивых билетов в кино». Райен тоже не останавливается перед вопросом дефиниций: «CrimethInc — не социалисты, и встаёт вопрос, являются ли они вообще анархистками и анархистами, а не просто libertines».

CrimethInc за ответом в карман не лезли. Для них дискуссия об анархической модели будущего — «вопрос-уловка». Они рассматривают анархию не как «утопию, программу или идеал», и требуют «забыть мужиков с бородами». С похожей плакативностью начинает связанная с CrimethInc Curious George Brigade свою книгу «Anarchy in the Age of Dinosaurs» (2003) главой «Как я забыл о гражданской войне в Испании и научился любить анархию».

Странным в этих дебатах кажется не то, что существуют различные понимания анархизма. Они были всегда, и среди так называемого «классического анархизма» — и это хорошо. Было бы трудно обнаружить революционный

момент в социальном движении, в котором не ведись бы внутренние споры. Что кажется странным — это то, что так много анархисток и анархистов концентрируются на спорных вопросах, а не на общих чертах. Во-первых, это ослабляет движение, а во-вторых для этого нет причин. Если мы посмотрим за слова, вокруг которых ведутся споры, и перестанем обращать внимание на обвинения, которыми обкидывают друг друга товарищи, мы сможем увидеть, что различия не столь и велики. В любом случае, не больше, чем сходство. В конце концов, не случайно все спорщики претендуют на анархизм. Причиной тому является, что все объединены желанием, которое издавна движет анархистским движением: создание свободного и справедливого мира. Называется ли это «видением» или нет — дело второстепенное. Что важно — это существование «понятия», «образа», «представления», которые разделяются всеми. CrimethInc постоянно говорит о важности «мечты» для анархистских активисток и активистов. Анархо-примитивисты из Green Anarchy называют свои ежегодные слёты «Feral Visions». А с другой стороны конфликта? Там пишет, на пример, Майкл Альберт, что он ни от кого не ожидает «видения будущей религии, этнической идентичности, сексуальности, формы воспроизведения или общественных отношений, или даже образа производства, потребления или распределения». Все, чего ему хочется, это идеи для «коллективности и совместной работы». Столь же скромно высказывается и ирландская анархо-коммунистическая федерация Workers Solidarity Movement, называющая CrimethInc «субкультурным культом»: в своей программе она пишет, что «мы не можем точно предвидеть, как будет выглядеть будущее».

Именно потому, что всё это звучит столь тривиально, встаёт вопрос, откуда берётся эта концентрация на спорных вопросах. То, что это вредит движению, очевидно.

Ответ на вопрос, несомненно, сложен. Но, возможно, одной из причин является то, что в анархистском движении слишком много мужчин, сражающихся за главенство дефиниции и срывающихся в личную вражду. В этой связи интересно, как вели себя те немногие женщины, ставшие значительными внутри анархистского движения, по отношению к внутренним распряам и расколам: в конце 19-го столетия Вольтарина де Клер сформулировала «Анархизм без прилагательных», чтобы смягчить конфликт между социальными и индивидуалистскими анархистками и анархистами. Эмма Голдмэн описывается Букчиным как представительница «анархо-коммунистической идеологии», одновременно стоявшая близко к «индивидуалистским идеям» (Букчин кажется почти что рассерженным потому, что не может точно определить Голдмэн). Особый интерес для современных споров может представлять значительное сочинение Пегги Корнеггер «Anarchism: The Feminist Connection» 1975-го года.

Корнеггер много говорит о «видениях» в этом сочинении. При этом неважно, какие видения правильные, какие нет, или у кого их много, у кого их мало. Корнеггер просто указывает на то, что «нужны перспективы, столь прекрасные и сильные, что они двигают нас вперёд»; она подчёркивает важность «общности перспектив», равно как и необходимость «разделять друг с другом наши видения, чтобы предотвратить опасность возникновения между нами недопониманий и расколов». Она напоминает нам, что анархизм и сам является «видением, которое воплощается тем, что оно проживается». Трудно представить себе, что анархистки и анархисты — от Альберта до Зерзана — высказались бы против этих утверждений. Почему они тогда не воспринимаются серьёзно? Я вынужден оставить этот вопрос открытым. А ответ значительно помог бы нашему движению.